

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ЖИЗНЬ ВЗАИМЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Жизнь в займы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Жизнь займы / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2019 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-101698-2

Новый роман о мастере сыска полковнике Льве Гурове. Четверть века на книжном рынке! Во дворе своего дома застрелен начинающий предприниматель Рауф Гулиев. По найденным у него документам следствие установило, что убитый имел огромные долги, в основном перед мелкими финансовыми организациями. Полковник МУРа Лев Гуров недоумевает: неужели кредиторы начали расправляться со своими должниками таким жестоким образом? Он берет в оборот директора одной из заемных фирм и выясняет, что Гулиев – не единственная жертва «долгового» бизнеса. Кто-то давно и планомерно убирает заемщиков, преследуя куда более чудовищные цели, чем просто возврат денег...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101698-2

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Жизнь взаимы

© Макеев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Старый обшарпанный «Фольксваген» ехал по пыльной проселочной дороге. За рулем сидел молодой мужчина типичной кавказской внешности. Худое смуглое лицо, крупный нос с горбинкой, кончик носа слегка опущен вниз. Густые черные волосы жесткими прядями спадали на воротник несвежей рубашки. Они давно требовали стрижки, но, видимо, это мужчину мало беспокоило. Глубокие борозды, прочертившие лоб, и хмуро сдвинутые кустистые брови говорили о том, что на данном жизненном этапе владельцу неряшливой прически проблем хватает. Заботы о внешности явно отошли на задний план.

Жилистые руки так вцепились в рулевое колесо, что казалось, он собирается вырвать его с корнем и вышвырнуть в открытое окно. Желваки на скулах ходили ходуном, тонкие губы прятались в усах, которые не могли скрыть напряжение молодого мужчины. Но главным подтверждением того, что у мужчины не все гладко в жизни, являлось то, что, находясь в салоне один, он разговаривал вслух. Нет! Он не просто разговаривал, а ругался, на чем свет стоит проклиная всех и вся, при этом обращался сам к себе по имени.

– О чем ты только думал, Рауф! Как мог подписаться на такое? С каких пор в роду Гулиевых появились недоумки? Черт бы тебя побрал! Тебя и всех твоих кредиторов. Нет, лучше бы только кредиторов, но разве это зависит от твоего желания?

Впереди идущая машина сбавила ход, собираясь остановиться у обочины. Рауф резко вывернул руль, пытаясь избежать столкновения. Он высунулся из окна и грубо обругал водителя. Тот в ответ выставил в форточку средний палец. Рауф резко ударил по тормозам, собираясь продемонстрировать зарвавшегося, как он относится к неприличным жестам, но вовремя одумался.

– Остынь, Рауф, – вновь набирая скорость, приказал он себе. – Тебе только дорожных разборок не хватало. Этого подонка и без тебя проучат рано или поздно. Таких придурков всегда настигает расплата.

Автомобиль-нарушитель остался далеко позади, Рауф тяжело вздохнул.

– Его ты считаешь придурком, кто же тогда ты? – выезжая на шоссе, философски изрек он. – Нарушение правил дорожного движения по сравнению с твоими художествами – просто детская шалость. Черт, ну почему, почему так происходит? Ведь все было просчитано!

Какое-то время он ехал молча, но тревога не отпускала. Эту поездку он предпринял в надежде все исправить. Не вышло. Теперь придется все начинать сначала, а время поджимает. Не просто поджимает, его уже не осталось. Совсем. На завтрашний день назначена встреча. Что она принесет? Рауф полагал – ничего хорошего.

– Еще и эта сука, – в мыслях Рауф переключился на другую волну, и ругательство само сорвалось с губ. – Мерзкая, грязная шлюха. Как она могла поступить так с тобой?

Он снова грубо выругался и даже сплюнул в форточку. Встречный ветер подхватил плеток и вернул в салон. Мокрое пятно растеклось по несвежей рубашке.

– Отлично, – проворчал Рауф, стирая слюну рукавом. – Может, заодно и помочишься сам на себя? Для полной гармонии.

Делать этого он, разумеется, не стал. Досадное происшествие на некоторое время отвлекло его от печальных мыслей, к тому же дорога подошла к магистральной развязке: Рауф въезжал в Москву. Ехать оставалось недолго. По прямой по шоссе Энтузиастов до следующей развязки, миновав лесопарковую зону Измайлово и преодолев запутанный лабиринт дорог, перебраться на улицу с нелепым названием Электродная, где он занимал однокомнатную квартиру в многоэтажном доме. Квартира эта ему не принадлежала, но он находился не в том положении, чтобы проявлять щепетильность и отказываться от дармового жилья.

– Ладно, ладно, сейчас главное – успокоиться. – Рауф вновь заговорил вслух. – Ситуация такова, какова есть, и, раз уж ты влип, постарайся хотя бы не паниковать. Холодный душ тебе не повредит. Думай об этом. Завтра будет новый день, и кто знает, может, на этот раз тебе повезет.

«Фольксваген» свернул на знакомую улицу, миновал сетчатое ограждение автомобильной стоянки, устроенной жильцами дома для личного пользования. Толку от ограждения было немного, но кое-кого из владельцев авто это успокаивало. Притормозив у самого въезда, Рауф поискал глазами свободное место. Как всегда, практически все места оказались заняты, большая часть жильцов возвращалась домой раньше Гулиева. Присмотрев место в углу стоянки, Рауф проехал вдоль плотного ряда машин, произвел нехитрые манипуляции и втиснул «Фольксваген» между подержанным «Пежо» и новехонькой «Калиной». Заглушив мотор, он опустил голову на руки, которые все еще сжимали рулевое колесо. Так он просидел довольно долго.

Особых причин сидеть в машине, вместо того чтобы идти домой, у Рауфа не было. Уже много месяцев он жил один. Ему не нужно было ни перед кем отчитываться за позднее возвращение. Некому было устраивать скандалы и разборки. Уже некому. Просто в салоне своего «Фольксвагена» он чувствовал себя увереннее. Но домой идти все же было нужно. Завтра его ждет трудный день, очередной трудный день, перед которым следовало хорошенько выспаться.

Усилием воли Рауф заставил себя поднять голову. Встряхнувшись, он вышел из машины. В ночной тишине звук закрывающейся дверцы прозвучал слишком громко. Рауф нажал кнопку, активируя сигнализацию. Фары дважды моргнули и потухли. Сунув ключи в карман, Рауф медленно двинулся вдоль припаркованных авто.

Мысли его были далеко. Видимо, поэтому он слишком поздно сообразил, что на стоянке он не один. А поняв это, застыл как вкопанный. От черного силуэта его отделяло не больше трех метров. Рауф попытался рассмотреть выражение лица человека в черном, но было слишком темно. Освещения от уличного фонаря едва хватало на то, чтобы вообще хоть что-то разглядеть. И все же Рауф его узнал. Нельзя сказать, что это принесло Рауфу облегчение, но язык развязало.

– Снова ты, – превозмогая страх, произнес он. – Мы ведь договорились. У меня еще есть время, ведь так?

Человек в черном молчал. Рауф выдержал небольшую паузу и снова заговорил:

– Не подумай, я не собирался сбежать. Просто решил прокатиться. Это ведь не запрещено? Если вас это беспокоит, надо было предупредить. Я бы и носа из дома не высунул, – голос Рауфа звучал заискивающе.

Слова Рауфа на человека в черном не произвели должного эффекта. Он переступил с ноги на ногу, и Рауф увидел то, что до этого скрывала тень. Огромный, тяжелый пистолет с навинченным на дуло глушителем. По спине пробежали мурашки, в желудке что-то перевернулось, к горлу подступила тошнота. «Надо что-то сказать, – пронеслось в голове. – Не молчи, Рауф, только не молчи».

– Послушай, зачем это тебе? Я ведь обещал, что завтра все будет. Хочешь, отдам тебе ключи от машины? Забирай ее. Только не дури, моя смерть ничего не даст, ты и сам это понимаешь, – быстрой скороговоркой заговорил Рауф. – Знаю, у нас были разногласия, но все это в прошлом. Теперь я понимаю, насколько глупо я вел себя поначалу, но ведь это не повод, чтобы...

Договорить Рауф не успел. Он не услышал звука выстрела, лишь слабый хлопок, будто кто-то разрядил новогоднюю хлопушку. Но алое пятно в области сердца, расплзающееся по светлой рубашке, рассмотреть успел. Еще до того, как пришла боль. До того, как пришло осознание, что его, Рауфа Гулиева, больше нет. Как в третьесортных боевиках, он поднял руку и дотронулся до алого пятна. Пальцы тут же окрасились кровью.

– Зачем? – поднимая глаза на человека в черном, прошептал Рауф.

Тело его медленно, очень медленно осело на землю. Он крепко зажмурил глаза. «Не хочу видеть смерть. Пусть уж так». Это была его последняя осознанная мысль. Дальше все произошло быстро. Рот наполнился кровавой слюной, тело начали сотрясать конвульсии, и через тридцать секунд все было кончено.

Падая, Рауф задел одну из машин. Сработала сигнализация, еще минуту назад тихий двор огласил рев сирены, настолько мощный, что от ее вибрации сработала сигнализация еще пары машин. Из окон начали высовываться головы автовладельцев.

– Какого хрена вы там творите? – грубо пробасил мужчина со второго этажа. – Сейчас спущусь, задницы вам надеру!

– Лухов, опять твоя оглашенная орет, – заверещал женский голос с шестого этажа. – Дождешься, накатаю жалобу в прокуратуру, они заставят тебя чужой сон уважать.

– Тебе-то что за дело, Катерина? Ты все равно ночи напролет своего сопляка ублажаешь, – весело парировал женский голос откуда-то сбоку. – Или с ритма сбиваешься?

Высказывание второй женщины развеселило публику. Громкий смех перекрыл затихающие звуки сигнализации.

– А ты не завидуй, Наталья, будет и на твоей улице праздник, – не растерялась Катерина. – Вот надоест мне мой сопляк, я его тебе по сходной цене сплавлю.

– Ох, охальники, – ворчливо произнес старческий голос с первого этажа. – Языки бы вам горчицей намазать.

– Лучше хреном, дед Василь, – рассмеялась Наталья. – Катке точно больше понравится.

– Да погодите вы ржать-то, – остановил Наталью дед Василь. – Чегой-то там не того. Вроде у луховской колымаги лежит кто-то. Может, дурно человеку. Лухов, спустись, глянь.

– Делать мне больше нечего, – огрызнулся Лухов. – Небось Демид опять нажрался, вот и валяется. Ничего, до утра проспится, сам уйдет.

– Да не похож на Демида. Чернявый он, а Демид к соломе ближе, – возразил дед Василь. – Сходи, Лухов, не мне же, старому, тащить.

– Ладно, черт с тобой, спущусь, – пообещал Лухов. – Но если это Демид, я его к тебе притащу. В качестве компенсации.

Слова деда заинтересовали жильцов. Пока Лухов спускался вниз, любопытные взгляды скользили по двору, ожидая продолжения веселья. Дед Василь наблюдал, как Лухов выходит из подъезда, как неохотно плетется к своей машине. Наблюдали и остальные жильцы, разбуженные резкими звуками луховской сигнализации. Все они видели, как Лухов вдруг застыл на месте, точно на невидимую преграду напоролся.

– Ну, чавой там? – окликнул Лухова дед Василь. – Демид?

– Твою-то Дерибасовскую, – в сердцах выпалил Лухов. – Ну, дед, спасибо тебе.

– За что благодарность? – переспросил дед Василь.

– «Скорую» вызывай! – взревел Лухов. – А лучше полицию. Тут человека убили.

Из окон зазвучали охи и ахи, а спустя две минуты двор заполнился любопытными жильцами. Сколько Лухов ни орал, чтобы не толпились возле тела, сколько дед Василь ни страдал всевозможными последствиями, кольцо зевак сжималось вокруг тела. К моменту приезда полиции автостоянка во дворе была забита до отказа, следы потенциального преступника затоптаны, а предшествовавшие трагедии реальные события в головах свидетелей густо перемешались с красивыми, но выдуманностями подробностями.

* * *

Вот уже час полковник Гуров мерил шагами кабинет на Петровке. От одной стены до другой, вдоль окна до угла, по диагонали и обратно. Он пребывал в бешенстве, а в таком состо-

янии на одном месте не усидишь. В бешенство же его привел не какой-то зарвавшийся бандюган, не вездесущие журналисты и даже не желторотые стажеры, которыми вторую неделю кишело Главное управление Московского угрозыска, а лучший, как всегда считал Гуров, проверенный годами друг. И сейчас не имело значения, что этот самый друг по совместительству был еще и непосредственным начальником полковника, к тому же выше его чином и званием. Плевать Гуров на это хотел! То, как поступил с ним генерал Орлов, не оправдать ни званием, ни чином, ни полномочиями.

«Мальчик на побегушках, вот кто я теперь, – Гуров завершил очередной круг, но облегчения не почувствовал. – Такими темпами я скоро сбежавших котов с деревьев снимать начну. А почему нет? Все остальное меня делать уже обязали. Да что вообще нашло на Орлова?»

Дня не прошло после завершения дела «Девушки в чемодане», его напарник, полковник Крячко, все еще находился на излечении в госпитале, сам Гуров едва-едва бумаги заполнить успел.

По мнению Гурова, генерал должен был проявить больше такта и понимания. Все-таки полковник – не последний человек, а по словам того же генерала Орлова, надежда и опора уголовного розыска. Ему поручают самые запутанные и безнадежные расследования, и он справляется. Так почему же вдруг он стал тем, на кого сваливают уголовный хлам, которым даже районные опера пренебрегли, посчитав недостойным внимания?

– Товарищ полковник, машина ждет, – приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы пролезла голова, бодро объявил дежурный.

– Да иду я, иду, – Гуров махнул рукой, отпуская дежурного.

«Теперь еще и с соглядатаем на шее весь день таскаться, – недовольно подумал он. – Ладно бы Шестакова дали, так нет, новенького подсунули. Человек он не проверенный, ни по телефону при нем разговор откровенный не заведешь, ни передвижения от начальства не скроешь. И что за день такой! Ну почему, почему моя машина сломалась именно сегодня? И почему Шестаков взял отгул как раз тогда, когда он мне необходим? Сплошное разочарование».

Перебирая в мыслях все перипетии минувшего утра, Гуров спустился вниз. У крыльца служебной машины видно не было.

«Странно, дежурный сказал, что все готово, – Гуров нахмурился. – Не хватало еще по всему двору бегать в поисках машины».

Бегать Гуров не стал, вместо этого вернулся к дежурному. Тот заверил Гурова, что автомобиль был на месте, и поспешил связаться с водителем. Выслушав объяснение водителя, дежурный положил трубку и чуть смущенно объявил, что авто ждет у ворот. Гуров даже комментировать не стал. У ворот так у ворот. Пройти двадцать метров пешком – не проблема. Возможно, новому водителю не объяснили, как здесь, в Главном управлении, принято работать. Озабоченный взгляд дежурного Гуров проигнорировал. Развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал к выходу.

У ворот стояла отечественная «Приора» без традиционной раскраски оперативных ведомств. За рулем сидел сухощавый мужчина лет сорока в строгого покроя костюме и с вычурной формы усами. В совокупности с бритой наголо головой впечатление мужчины производил весьма противоречивое. Гуров уселся на переднее сиденье, коротко кивнул водителю в знак приветствия и, откинувшись на спинку, закрыл глаза. Он ожидал, что машина тронется, но этого не произошло. Гуров открыл глаза и бросил вопросительный взгляд в сторону водителя. Тот смотрел в глаза полковника и улыбался. Гуров решил, что тому не назвали пункт назначения и он попросту не знает, куда ехать. «Все приходится делать самому», – мысленно проворчал Гуров, вслух же произнес:

– Улица Электродная, дом пятнадцать. Это по шоссе Энтузиастов, район Перово.

– Да, да, я знаю, – радостно заявил водитель. Улыбка прорезала худое лицо от уха до уха, отчего он стал похож на Буратино. Лысый череп поймал солнечный луч и отбросил его на лобовое стекло.

– Тогда почему мы до сих пор стоим? – несколько обескураженный ответом, спросил Гуров.

– Процедура знакомства, – все так же радостно произнес водитель. – Предшествует любой совместной деятельности.

Гуров ждал, что тот продолжит. Представится или потребует полковника назвать себя, раз уж тот сам завел разговор, пусть и своеобразным способом. Но водитель продолжал таращиться на Гурова блаженным взглядом, не предпринимая попыток начать «процедуру знакомства».

«Что ж, пойдем навстречу новичку», – поняв, что без выполнения формальностей машина с места не тронется, решил Гуров.

– Полковник Гуров Лев Иванович, старший оперуполномоченный по особо важным делам, – Гуров протянул руку для рукопожатия.

– Я знаю, – пожимая руку, объявил водитель. – Ваше имя – не проблема.

– Тогда в чем, по-вашему, заключается проблема?

– В моем имени, – желая подчеркнуть важность сказанного, водитель сделал характерный жест головой, подавшись вперед и как бы подчеркивая фразу движением подбородка.

– Так избавьте себя от этой проблемы, – разговор начал слегка раздражать Гурова. – Назовите свое имя, и дело с концом.

– Теперь могу, – водитель повторил движение головы, и Гуров понял, что этот жест будет преследовать его целый день. – Раньше не мог, теперь могу. Видите ли, в большинстве случаев люди не слышат имени водителя. Так уж устроен человеческий мозг. Водителя считают обслуживающим персоналом, чем-то вроде обязательного приложения к машине, и поэтому не утруждаются, чтобы запомнить его имя. Но мое личное убеждение состоит в том, что оперативному работнику жизненно важно знать имя того, кто прикрывает его тыл во время сложных и опасных операций. Вы так не считаете?

– Назовите свое имя, и обещаю, я запомню его на всю жизнь, – не желая вступать в дискуссию, заявил Гуров.

– Леонид Мейерхольд, – еще радостнее объявил водитель.

«Ничего себе! Боится, что такое имя не запомнят? Что же тогда остается Иванам Ивановичам?» – мысленно присвистнул Гуров, а водитель самозабвенно продолжал:

– Мейерхольд – фамилия по отцу, хотя национальную принадлежность у нас определяют по материнской линии. Имею воинское звание «капитан». В полицию перевелся всего шесть месяцев назад. Сорок два года. Не женат, детей нет. Уроженец Поволжья, в настоящий момент проживаю в Москве на постоянной основе. Получил наследство, комнату в коммунальной квартире.

– Заводите двигатель, Леонид Мейерхольд. Улица Электродная, дом пятнадцать, – приказал Гуров. – Мы и так потеряли много времени.

Удовлетворенно кивнув, Мейерхольд повернул ключ зажигания, вывернул рулевое колесо и покатил к шоссе Энтузиастов. К вящей радости Гурова, больше Леонид Мейерхольд желания поговорить не изъявлял, и до Электродной улицы они доехали молча. Там, во дворе дома номер пятнадцать, их уже ждал участковый инспектор. Гурову он был знаком, пару-тройку раз они пересекались по параллельным расследованиям. Звезд с неба лейтенант Юшкин не хватал, но восполнял недостаток сыщицкой интуиции дотошностью и исполнительностью, а Гурову в данной ситуации ничего другого и не нужно было.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – поприветствовал Гурова Юшкин. – Добро пожаловать на «землю».

– И тебе не хворать, лейтенант, – Гуров пожал протянутую руку. – Рассказывай, что у вас стряслось.

– Полный отчет или результаты оперативных действий? – тон Юшкина сразу стал деловым.

– В курс дела меня не вводили, если ты об этом, – сообщил Гуров. – Около полуночи на придомовой автостоянке застрелен жилец дома номер пятнадцать, это все, что мне известно на данный момент.

– Ого, у журналистов и то больше данных, – не сдержался Юшкин.

– Вот-вот, из-за проклятых журналистов и начался весь этот сыр-бор, – проворчал Гуров. – Раздули шумиху: в пяти шагах от районного отдела москвичей убивают. В Управлении все на ушах стоят. Думаешь, почему я здесь?

– Да вы не расстраивайтесь, товарищ полковник, дело-то несложное, – выдал сомнительное утешение Юшкин. – В конце концов, не депутата же грохнули.

– Поговори мне, – Гуров покосился на водителя, который, вместо того чтобы оставаться в машине, застыл в двух шагах от полковника и впитывал каждое слово. – Для нас, сотрудников правоохранительных органов, не должно быть разницы, чье убийство расследовать – депутата или пьяницы беспробудного. Или тебя в школе милиции недоучили?

– Так точно, разницы нет, – перехватив взгляд полковника, охотно поддержал Юшкин. – Итак, ситуация следующая: около полуночи на стоянке сработала сигнализация сразу на нескольких машинах. Жильцы дома проявили бдительность и обследовали стоянку. В результате осмотра было обнаружено тело одного из жильцов дома. Вызов по «Скорой» прошел одновременно со звонком в дежурную часть. Полиция и медики прибыли в течение десяти минут. Мужчина, Рауф Гулиев, тридцати трех лет, был обнаружен лежащим на земле с огнестрельным ранением в области груди. Медики констатировали смерть и уехали. Дальше работала опергруппа. Произвели осмотр места происшествия, опросили свидетелей, составили отчет и уехали. Тело забрала труповозка, оно сейчас в Перовском морге.

– Осмотр места происшествия что-то дал? – спросил Гуров.

– Практически ничего, – Юшкин виновато потупился. – Любопытные соседи так все затоптали, что мама не горюй.

– Хоть гильзу-то нашли?

– Никак нет, товарищ полковник, гильзы на месте происшествия не обнаружили.

– Что говорят свидетели?

– Много чего говорят, – Юшкин выдержал паузу, собираясь с мыслями. – Показания противоречивые. Единственное, в чем сходятся все, – было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

– А конкретнее? – потребовал Гуров.

– Кое-кто из соседей утверждает, что незадолго до того, как сработала сигнализация, на стоянке видели мужчину. Вроде бы он был без машины, но утверждать не берутся.

– Кое-кто, это кто?

– Старик с первого этажа, Василий Путочкин, он имеет привычку слушать двенадцати-часовые новости по радио. В эту ночь он тоже сидел возле окна, там антенна ловит лучше, ждал начала новостей. Новости еще не начались, когда он заметил мужчину. По его словам, тот прогуливался между рядами автомобилей, вроде как выискивал что-то. Старик отвлекся, чтобы налить чай, а когда снова выглянул в окно, мужчины уже не было. Еще женщина с третьего этажа. Она работает в круглосуточном гипермаркете, с работы возвращается ближе к двенадцати. Так она тоже заявляет, что видела мужчину возле стоянки. По ее словам, он явно не желал, чтобы его заметили, так как при ее приближении спрятался за трансформаторной будкой. Третий свидетель видел курящего мужчину без четверти двенадцать. Мужчина стоял в дальнем углу стоянки. Свидетель подошел к подъезду, хотел окликнуть незнакомца, поин-

тересоваться, что тот делает на частной территории в столь поздний час, но не стал. Решил, что это не его дело.

– Насколько правдивы эти сведения? – спросил Гуров.

– На мой взгляд? – уточнил Юшкин.

– Разумеется, на твой.

– Старик, может, что-то и видел, – подумав, выдал Юшкин. – Женщина тоже вроде не врет, а вот третий свидетель, скорее всего, просто в сводку новостей попасть хочет. Он трижды менял показания.

– Какие показания, там рассказа-то всего на три строчки? – удивился Гуров.

– Так я вам последнюю версию выдал, а в первом варианте он выглядел настоящим героем. Окликнул незнакомца, обругал его и даже за телефоном потянулся, вроде как полицию собирался вызвать. А мужчина испугался, через забор перемахнул и был таков, – говоря это, Юшкин улыбался.

– Свидетелей ты опрашивал? – догадался Гуров.

– Так точно, я. Да там и работы особой не было, – оправдывая нерадивость местных оперов, заявил Юшкин. – Они же все сами во двор вывалились. Знай вопросы задавай.

– Полагаю, после выстрела этого эфемерного мужчины во дворе никто из свидетелей не обнаружил?

Вопрос задал водитель, вид у него при этом был до смешного сосредоточенный. Юшкин покосился на водителя, перевел недоуменный взгляд на Гурова, ожидая его реакции. А Гуров и сам опешил: с чего это водителю вдруг вздумалось лезть в расследование?

– Я к тому, что, если бы он оставался на месте, его бы кто-то наверняка заметил, – ответил водитель на вопросительный взгляд Гурова. – Полагаю, к тому времени он успел уйти.

– Прошу прощения, Леонид Мейерхольд, но ваше дело крутить баранку, а вопросы задавать здесь уполномочен я, – раздраженно заявил Гуров. – Думаю, вам лучше вернуться в машину.

– Позвольте с вами не согласиться, товарищ полковник, – Мейерхольд не выглядел ни смущенным, ни оскорбленным. – Мой военный опыт может вам пригодиться. Осмелюсь сказать больше: он будет неоценим в рамках данного расследования.

– Когда мне потребуется ваша консультация, как бывшего сотрудника военного ведомства, я дам знать, – сухо проговорил Гуров. – Возвращайтесь в машину. Думаю, нам лучше перейти к опросу свидетелей.

Последняя фраза была обращена к Юшкину. Тот понял, чего от него ждет Гуров, и быстро зашагал к подъезду. Леонид Мейерхольд остался на месте. Он провожал полковника полным скорби взглядом, но Гуров этого не видел. Он шагал вслед за Юшкиным, желая поскорее избавиться от назойливого водителя.

В доме номер пятнадцать Гуров пробыл до трех часов дня. Выслушал не меньше трех десятков версий того, что случилось накануне ночью, с подробностями и без них. Осмотрел квартиру убитого, получил весьма четкое представление о том, каким человеком при жизни был Рауф Гулиев. Он не был аккуратистом и педантом. В его квартире чувствовалось запустение и безнадега. Единственное место, где хоть как-то прослеживался порядок, – это долговая книга. Вот она производила впечатление. В ней были собраны записи за последние три года. Чем занимался Гулиев до этого, можно было предположить по тому, насколько внушительными были его долги.

Судя по всему, Гулиев занимал у всех, кто имел глупость поддаться на его уговоры. В самом начале шли фамилии и комментарии к ним, типа «Роман Бурцев, Северо-Западный регион, флорист, – пятьдесят». Видимо, к этому времени Гулиев набрал уже столько долгов, что боялся забыть, кто же такой этот Бурцев. Затем начали появляться названия организаций. Большая часть записей имела отметку «расчет», но после каждой такой записи долг последую-

щему кредитору становился еще выше. Это могло означать только одно – Гулиев перезанимал средства только для того, чтобы покрыть предыдущие долги.

Когда же частные лица перестали давать в долг, Гулиев перешел на заемные организации. Их за последний год было не меньше двух десятков, причем последние четыре остались без пометки о расчете. Соседи подтвердили предположение Гурова о том, на какие средства жил Гулиев. Занимал он всегда под какой-то грандиозный проект, который с треском проваливался, загоняя Гулиева в еще большие долги.

По словам соседей, квартира, в которой проживал Гулиев, ему не принадлежала. Это была собственность его бывшей жены. Полгода назад ей надоело терпеть авантюры мужа, она подала на развод и ушла к другому. На вопрос: почему она позволила бывшему мужу жить в ее квартире, точного ответа Гуров не получил. Соседи предполагали, что она пыталась выселить мужа из квартиры, но до конца дело так и не довела. Почему? Они не знали, это предстояло выяснить у самой экс-супруги.

К концу опроса у Гурова нарисовались две основные версии: конфликт с экс-супругой или с ее новым мужем, и – разборки с владельцами микрофинансовых организаций-кредиторов.

Оказалось, что никто не удосужился оповестить супругу о случившемся. Гуров решил воспользоваться моментом и навестить Людмилу Гулиеву. У соседки, живущей напротив, нашелся новый адрес Людмилы. Теперь она жила в пригороде, как утверждала соседка, на жилплощади нового мужа. Переписав адрес и забрав записную книжку Гулиева, Гуров вернулся в машину.

Мейерхольд был на месте. Гуров сообщил ему новый адрес следования, тот молча выслушал, завел двигатель и выехал со двора. Всю дорогу он всем своим видом показывал, что положение бессловесного водителя оскорбляет его военное достоинство, но Гурову было не до его детских капризов. Он пытался упорядочить полученные сведения. Ему не хватало напарника, полковника Крячко. Было бы неплохо обсудить с ним положение, но тот находился на излечении, а с травмами головы, как известно, не шутят.

«Ничего, пару дней как-нибудь потерплю, а там и Стас вернется, – думал Гуров. – Возможно, генерал был не так уж не прав, направив меня на это расследование. Что-то мне подсказывает, что дело Гулиева выйдет за рамки бытовых разборок. Говорить об этом пока еще рано, но как знать?»

Когда на планерке генерал Орлов объявил, что огнестрелом на Электродной будет заниматься отдел Гурова, тот страшно разозлился, полагая, что с этим делом могли бы справиться и ребята из районного отдела. Где Перово, а где Петровка! Почему дело решили отдать ему? Ведь, как верно заметил лейтенант Юшкин, не депутата же грохнули? Таких дел по Москве сотни, с чего это дело Гулиева решили возвести в ранг особо важных?

Сейчас Гуров считал иначе. Вариантов развития событий – два. Либо дело окажется простым, и тогда он закроет его за пару дней, получив при этом процент к раскрываемости. Либо прогноз генерала окажется верным, и Гуров получит возможность поломать голову над сложной задачей. И в том, и в другом случае он в выигрыше, так что жаловаться причин нет. Жаль, что придется работать одному, но и это не проблема.

Что Гуров считал настоящей проблемой, так это присутствие странноватого водителя.

«Нужно поторопить ребят из автосервиса, – думал Гуров. – Даже если придется переплатить за скорость. Не нравится мне этот Мейерхольд, ох как не нравится».

Глава 2

Новое жилище Людмилы Гулиевой не шло ни в какое сравнение с прежней квартирой. Старенькая одноэтажная деревянная постройка, дышащий на ладан забор и удобства во дворе – так выглядел дом мужа Людмилы. Палисадник, правда, оказался ухоженным, а позади дома, на внушительных размерах огороде радовали глаз ровные ряды грядок.

Сама Людмила, к вящей радости Гурова, оказалась дома. Она копалась в огороде, подвязав густые каштановые волосы ситцевым платком и подоткнув подол юбки в полосатые гетры. Людмилу Гуров представлял себе иначе. Он ожидал встретить такую городскую красотку с наманикюренными ногтями и подведенными глазами. Соседи Гулиевых сообщили, что раньше Людмила работала бухгалтером в какой-то столичной фирме, вот Гуров и решил, что она должна выглядеть достаточно презентабельно.

Собаки во дворе не оказалось, звонка на покосившейся калитке тоже, поэтому Гуров просто пересек двор и направился напрямик в огород.

Его присутствие Людмила заметила лишь тогда, когда он подошел к ней на расстояние трех шагов. Женщина обернулась и приветливо заулыбалась.

– День добрый, – голос у Людмилы оказался приятным, бархатным. – Вы за заказом или цены узнать?

– Цены? – повторил вопрос Людмилы Гуров.

– Ну, да, на овощи, – пояснила Людмила. – Птицу сейчас не бьем, уж извините.

– Торгуете овощами? – догадался Гуров.

– А вы думали, что я для личных нужд полгектара луком да томатами засадила? – расмеялась Людмила.

– Об этом я подумать не успел, – признался Гуров. – Огород впечатляет. Сами хозяйничаете или помогает кто?

– Муж в городе работает, ему с тяпкой по грядкам ходить некогда, – пояснила Людмила. – Я сама справляюсь. Товар у меня высшего качества, и клиентов хоть отбавляй, несмотря на то что занимаюсь этим не так давно. Так вы не покупатель?

– Я не покупатель, – ответил Гуров и полез в карман за удостоверением.

– Ого, красные корочки? По моему опыту, такое начало не предвещает ничего хорошего, – увидев удостоверение, проговорила Людмила. Глаза ее при этом утратили веселость. – Насчет Рауфа пришли?

– Угадали.

– Нетрудно догадаться, – Людмила стянула перчатки, бросила их на грядку. – Пойдемте в дом, нечего соседям глаза мозолить. Не хватало еще, чтобы злые языки и здесь мне кости перемывали.

Гуров не возражал. Людмила провела его в дом, жестом указала на стул, сама осталась стоять.

– Выкладывайте, что он опять натворил? – произнесла она.

– Думаю, вам лучше присесть, – осторожно предложил Гуров.

– Бросьте, – оборвала его Людмила. – Я была замужем за Рауфом десять лет и все эти годы имела от него только проблемы и неприятности. Не думаю, что вы сможете чем-то меня удивить.

– Тут другой случай, – настаивал Гуров.

Видимо, Людмила что-то прочла в глазах полковника, так как выражение ее лица резко изменилось. Она побледнела, слегка отшатнулась назад, будто от удара. Потом медленно придвинула стул, опустилась на него и прошептала:

– Говорите.

– Ваш муж мертв, – не зная, как более деликатно сообщить подобную новость, произнес Гуров.

– Он мне не муж, – машинально поправила Людмила и тут же добавила: – Вы уверены?

– Я уверен.

– Как это произошло?

– Его обнаружили соседи на парковке с огнестрельным ранением в груди. Рана оказалась смертельной, медики ничего не смогли сделать, – стараясь не выдавать лишней информации, сообщил Гуров.

– Ясно, – коротко произнесла Людмила и опустила глаза в пол.

Гуров выждал, давая Людмиле время осознать случившееся, затем начал задавать вопросы. Сначала Людмила отвечала медленно, как бы нехотя. Потом воспоминания о неудавшейся жизни захватили ее, и дальше рассказ потек без нажима со стороны полковника.

С Рауфом Людмила познакомилась в техническом колледже города Сумгаита, где оба проживали с рождения. Профессия бухгалтера у азербайджанских мужчин не пользуется популярностью, но по какой-то причине Рауф ее выбрал. В группе он был единственным парнем, девчонки так и ухлестывали за ним, тем более что внешностью его бог не обидел. А он выбрал Людмилу. С самого первого курса. Буквально прохода ей не давал. Выходить замуж за мужчину другой национальности, а тем более другого вероисповедания Людмила не собиралась. Целых три года она сопротивлялась, отклоняя ухаживания Рауфа, но в итоге все же сдалась.

Рауф подкупил ее далеко идущими планами. Оказалось, он не собирается оставаться в Сумгаите. Он планировал сразу по окончании колледжа переехать в Москву. Какие у него были планы! Просто грандиозные! И преподносил он их не как мечту, а как четко намеченный курс, которого он намерен придерживаться. Людмила и поплыла.

Пожились еще в Сумгаите, через месяц переехали в столицу. Там Рауф сразу взялся за выполнение грандиозных планов, а Людмила поступила в институт, чтобы иметь высшее образование. Параллельно нашла работу, ведь опыт требуется в любом деле. Ее родители помогли с покупкой квартиры. Не велики хоромы, но для иногородних – просто сказка. Два года Рауф занимался тем, что начинал один проект за другим, а Людмила обеспечивала семью. Она и не предполагала, что все проекты Рауфа выливаются ему в приличную копеечку. О долгах Рауф не распространялся, но в конце концов у Людмилы появились подозрения.

Телефонные звонки, после которых Рауф ходил чернее тучи, участились. Людмила набралась храбрости и потребовала от мужа ответа. Тот заверил, что все под контролем, что беспокоиться совершенно не о чем, и она снова ему поверила. Так прошел еще год, и еще. А потом кредиторы начали приходить к ним домой. Грязные сцены разборок, угрозы и даже физическое насилие – с этим Людмила прожила до прошлого года. К тому времени она занимала в фирме место главного бухгалтера с хорошим окладом и репутацией. И тогда муж начал требовать деньги с нее. Не на содержание дома и его персоны, а на покрытие своих долгов. Людмила отбивалась как могла.

Когда же Рауф заявил, что придется продать ее квартиру, чтобы покрыть хотя бы часть долгов, терпению Людмилы пришел конец. Она подала на развод. Благо ее родители оказались людьми дальновидными и жилплощадь на дочь не оформляли, так что претендовать на квадратные метры муж не имел права. Однако выселить его из дома оказалось не так-то просто. Людмила не хотела обращаться в суд, чтобы на работе не узнали, в какой ситуации находится их главный бухгалтер, поэтому делала все сама.

А потом она встретила Юрия Ревошина, своего теперешнего мужа. Вернее, знакома с ним она была уже несколько лет. Юрий обслуживал их фирму, привозил канцелярские товары. Да, Юрий работал простым экспедитором, но его работа приносила стабильный доход, а это, по мнению Людмилы, было немаловажно. Ревошин почти с первого дня знакомства проявлял

к Людмиле повышенное внимание, но сама она не принимала ухаживания Ревошина всерьез. Да и как иначе? Она замужняя женщина, к тому же Юрий на шесть лет ее моложе.

О том, что Людмила развелась с мужем, Ревошин узнал от секретарши и сразу же предложил ей жить вместе. Людмила думала всего неделю. После очередной разборки с мужем она собрала вещи и переехала к Юрию. А через месяц они поженились. Жалеет ли она о столь скоропалительном решении? Нисколько. О чем она действительно жалеет, так это о том, что не ушла от Рауфа раньше.

Знаком ли Юрий с ее бывшим мужем? Само собой, разумеется. С Рауфом Ревошин встречался несколько раз. Пытался добиться освобождения квартиры. В последний раз это случилось месяц назад. Тогда Рауф набросился на Юрия с кулаками, Людмила даже думала, что придется вызывать полицию, но обошлось. Ей удалось увести Юрия домой. Больше они тему выселения не поднимали.

– Надеюсь, вы не думаете, что Юра как-то связан со смертью Рауфа? – поняв, что затронула скользкую тему, спохватилась Людмила. – Юра никогда бы не стал совершать необдуманных поступков. В этом они с Рауфом совсем не похожи.

– В какой именно фирме работает ваш муж? – вместо ответа спросил Гуров.

– Зачем вам это? – в голосе Людмилы зазвучало беспокойство. – Вы ведь не собираетесь идти к нему на работу? Послушайте, это плохая идея. Юра хороший человек, ему не так легко было найти эту работу. Ваш визит может плохо отразиться на его репутации.

– Если человек невиновен, визит представителя правоохранительных органов ему не повредит, – догадавшись, что Людмила чего-то недоговаривает, заявил Гуров.

– Это вы так считаете, а у начальства на этот счет совсем иные взгляды, – настаивала Людмила.

– Выводы из личного опыта? Поэтому вы больше не работаете бухгалтером? – спросил Гуров.

– Нет, не поэтому. Вы правы, я больше не работаю бухгалтером, но моя личная жизнь тут ни при чем, – заявила Людмила. – Вам знакома поговорка: «Беда одна не приходит»? Мнe-то уж точно знакома. Почти сразу после того, как я переехала к Юре, моя фирма закрылась. Обанкротилась. Я осталась и без жилья, и без работы. И все же Юра меня не бросил, наоборот, если бы не он, кто знает, где бы я сейчас была? Так что ваши предположения насчет него просто смехотворны.

– Я оставлю визитку, как только Юрий вернется домой, пусть позвонит, – Гуров протянул Людмиле визитку с номером телефона. – Я назначу ему встречу, и если он придет, ехать к нему на работу необходимости не будет.

– Спасибо. Огромное спасибо, – искренне поблагодарила Людмила. – Он обязательно позвонит, я прослежу.

– И вам спасибо за сотрудничество, – Гуров поднялся. – Еще одна просьба: не покидайте пределов области, вы можете нам понадобиться.

Гуров вышел на крыльцо, Людмила следовала за ним. Проводив полковника до самой калитки, женщина решила задать вопрос, который тревожил ее все время их беседы:

– Скажите, я обязана его хоронить?

– Формально вы больше не являетесь его родственницей, – ответил Гуров.

– Но ведь у него больше никого нет. Родители умерли, братьев-сестер нет. Детей у нас, как вы понимаете, тоже нет, – Людмила волновалась. – Кто же его похоронит?

– В таких случаях заботы берет на себя государство, – сухо ответил Гуров.

– Хорошо. Это хорошо, – Людмила вздохнула с облегчением. – Быть может, я не права, но отдавать последний долг человеку, который сломал мне жизнь, я не намерена.

Заявление Людмилы Гуров комментировать не стал. Она провожала его взглядом до тех пор, пока полковник не сел в машину и та не скрылась за поворотом.

От Людмилы Гулиевой Гуров поехал напрямик в Управление. Уезжая с места преступления, он поручил лейтенанту Юшкину переслать отчет и изъятую запись с камер наблюдения соседнего магазина, и теперь пришло сообщение, что материалы отправлены. Гуров собирался изучить запись и еще раз пройтись по показаниям свидетелей.

В коридоре его перехватил дежурный, вручил пакет, отправленный участковым, и сообщил, что технический отдел предупрежден, а лучший специалист-техник Михаил Ханин ждет полковника в лаборатории. Гуров решил, что бумаги подождут, и направился в лабораторию. Получив от полковника электронный носитель, Ханин вывел изображение на экран. На поиск нужного момента записи ушло всего несколько секунд, цифровые технологии избавляли от нудной перемотки. Установив время записи на двадцать три часа, Ханин нажал кнопку «Пуск». Гуров принялся внимательно следить за тем, что происходило во дворе дома по улице Электродной.

Какое-то время двор оставался пустым, затем появился первый прохожий. Он двигался со стороны улицы Перовской и чувствовал себя во дворе вполне комфортно. По характерному наклону головы Гуров узнал в нем жильца с восьмого этажа. Сегодня при опросе он утверждал, что вернулся домой в одиннадцать и совершенно никого во дворе не видел. Запись с видеокамеры подтверждала его слова.

Сотрудница круглосуточного гипермаркета, похоже, тоже не лукавила. На записи было отчетливо видно, как она прошла треть подъездной дорожки, миновала магазинную дверь и вдруг на секунду застыла, будто кого-то увидела. Она даже голову влево повернула, после чего ускорила шаг и быстро скрылась в подъезде.

Гуров продолжал смотреть запись, затем попросил отмотать назад, прихватив конец предыдущего часа. В общей сложности во временном отрезке с двадцати трех до полуночи двор пересекли шестеро жильцов. Семейная пара с последнего этажа прошла домой чуть позже одиннадцати. После них мужчина с Перовской. Почти следом за ним молодая девушка, допросить которую не удалось, так как к моменту приезда Гурова она уже ушла на учебу. После нее появилась женщина из гипермаркета, затем мужчина, хваставшийся Юшкину своей смелостью. И ни одного незнакомца. Ни намек на его присутствие.

– Проклятье, – в сердцах бросил Гуров. – Эта пленка совершенно бесполезна.

– Файл, – невозмутимо поправил Ханин.

– Что? – переспросил Гуров. – Какой файл?

– Вы сказали «пленка бесполезна», только это не пленка. Подобные технологии остались далеко в прошлом, – пояснил Ханин. – Теперь это определенный файл с цифровой видеозаписью. И это гораздо лучше, чем пленка.

– Какая теперь разница? – махнул рукой Гуров. – Все равно там никого не видно.

– И снова неверно, – заметил Ханин. – Стоит немного поколдовать над записью, и кто знает, какие сюрпризы нам откроются? Вы заметили странное движение в левом нижнем углу экрана? Камера захватывает совсем малый угол обзора, но если приблизить...

Говоря это, Ханин быстро-быстро стучал пальцами по клавишам, набирая цифры в определенной программе. Гуров ждал.

– Сейчас зададим параметры, загрузим файл в программу обработки и через минуту получим ее же, только разделенную на сектора и увеличенную в десятки раз, – объяснял Ханин. – А еще можно будет попробовать повернуть изображение. Иногда смена ракурса дает возможность получить изображение тени или чего-то подобного. Все, готово. Какой участок посмотрим первым?

– Тот, в котором ты движение заметил.

– Ясно, вот он, увеличение прибавить?

– Посмотрим.

Гуров вглядывался в экран, где четкая тень скользила по асфальту. Тень появилась со стороны все той же Перовской улицы. Напротив магазина человек, которому принадлежала тень, притормозил. Постоял минуты две, затем двинулся дальше, но теперь тень едва можно было заметить, человек переместился ближе к стене, уходя из-под камеры. Просмотрев двадцать минут записи, Гуров снова заметил того, чья тень маячила перед камерой, но на этот раз картинка оказалась более четкой. Это, без сомнения, был мужчина, но ни его рост, ни возраст определить не представлялось возможным. Реальные параметры незнакомца расплывались на фоне тени от двух фонарей, в пересечение света которых тот попал.

– Думаю, остальные сектора просматривать смысла нет? – сделал предположение Ханин. – Вы были правы, запись пользы не принесла.

И тут фигура незнакомца оторвалась от стены. Это случилось так неожиданно, что Ханин вскрикнул.

– Смотрите, смотрите, товарищ полковник! Он идет прямо в камеру!

– Вижу, не слепой, – негромко ответил Гуров.

Гуров и Ханин не отрывали взгляд от монитора, будто пытаясь усилием воли заставить незнакомца выйти из тени и показать лицо.

– Ну же, давай! – шептал Ханин. – Поворачивайся!

Человек в черном будто услышал Ханина. Он сделал еще два шага и оказался прямо под камерой, после чего начал медленно поворачиваться.

– Отлично, отлично, – Ханин аж подпрыгнул от нетерпения. – Еще чуть-чуть, и он наш, а, товарищ полковник?

– Не сглазь, – прошептал Гуров.

И в этот момент из-за поворота появился новый персонаж. Та самая продавщица из супермаркета. На этой части записи ее видно не было, но и Гуров, и Ханин поняли, кто именно спугнул незнакомца. Мужчина вздрогнул, вгляделся в темноту, с минуту соображал, что лучше предпринять, после чего бесшумно скользнул в сторону трансформаторной будки.

– Эх, вот ведь непраха! – забыв о субординации, в сердцах воскликнул Ханин. – Еще бы полминуты, и у нас был бы портрет убийцы.

– Жаль, – вздохнул Гуров, – но ничего не попишешь. Сегодня удача от нас отвернулась.

Дальше смотрели запись молча. Досмотрели до того момента, когда появилась машина Гулиева. Камера зафиксировала, как автомобиль остановился у ворот, как проехал до дальнего конца стоянки. Потом довольно долгое время запись отражала лишь стоящие авто да покачивание силового кабеля, бьющегося о металлическую ограду. Наконец Гулиев снова появился в поле зрения камеры, но совсем ненадолго. Он быстро миновал участок, попадающий в объектив, и вскоре после этого двор начал заполняться людьми. Это соседи Гулиева выскочили из своих квартир, чтобы поглазеть на убитого.

– Плохо, что звука нет, – снова подсадовал Ханин. – Так бы хоть услышали происходящее. А то ни изображения, ни звука.

– Сбрось мне на электронку все эпизоды, – попросил Гуров.

– Заново смотреть будете? – догадался Ханин.

– После, – Гуров поднялся. – Спасибо за помощь.

– Боюсь, толку от моей помощи никакой, – вздохнул Ханин.

– Ничего, в следующий раз повезет, – ободрил Гуров и вышел из лаборатории.

После просмотра записи Гуров заглянул к капитану Жаворонкову в аналитический отдел и попросил собрать материалы по микрофинансовым организациям, которым задолжал Гулиев. Четыре фирмы, не успевшие получить с должника, требовали тщательной проверки.

Сам же Гуров в ожидании информации засел за разбор свидетельских показаний. В совокупности с просмотренной записью получалось следующее: во дворе дома Гулиева незнакомец

в черном появился задолго до того, как приехал Рауф. В объектив он успел попасть трижды, поэтому логично было предположить, что во дворе он оказался не случайно.

Да, в тот момент, когда Гулиев вышел из машины и направился к подъезду, его тень перед камерой не мелькала, но это не значит, что он ждал не Рауфа. Камеру легко обойти, к тому же выстрел произошел тоже не на камеру. Куда и когда делся незнакомец, еще предстояло выяснить, а пока Гурова больше интересовало, есть ли возможность по отрывочным приметам и коротким видеозаписям составить если не фоторобот, то хотя бы словесный портрет.

Описания внешности незнакомца в показаниях свидетелей были под стать видеозаписи: такие же нечеткие, расплывчатые и отрывочные. И все же кое-что использовать было можно. Большинство свидетелей сходилось на том, что фигура незнакомца выглядела внушительно. То, что видел Гуров на записи, впечатления соседей подтверждало. Темная одежда, бесшумная походка: вот, пожалуй, и все. Кто этот мужчина? Убийца? Если так, то мог ли этим незнакомцем быть новый муж Людмилы, Юрий Ревошин? В доме Людмилы фотоснимков хозяина Гуров не видел, поэтому о внешности Ревошина не имел ровным счетом никакого представления.

Мог ли незнакомец оказаться Юрием Ревошиным? Вполне. Несколько раз Ревошин пытался убедить Рауфа освободить жилплощадь супруги, но тот не реагировал. Последняя встреча закончилась потасовкой. Возможно, именно в тот момент Юрий понял, что добровольно Рауф квартиру не отдаст, и решил действовать по-своему. Он достал оружие и поехал к Гулиеву.

Приехав, первым делом прошелся по стоянке, чтобы убедиться, что Гулиев дома. Но его машины на стоянке не оказалось, и тогда Ревошин решил подождать. Ушел в тень и затаился. Дождлся, пока автомобиль Гулиева покажется у ворот стоянки, пропустил его, а затем проскользнул следом. Гулиев поставил машину и пошел к подъезду, но пройти не смог. Ревошин преградил ему дорогу. Он потребовал, чтобы Гулиев убирался из квартиры Людмилы. Рауф в очередной раз отказал, возможно в грубой форме. Нервы Ревошина не выдержали, и он выстрелил. Попал в сердце, Гулиев упал на машину соседа. Сработала сигнализация, Ревошин испугался и убежал.

Это одна из версий. Непреднамеренное убийство. Хотел поугагать бессовестного мужа, а в итоге лишил его жизни. Но могло быть и по-другому. Ревошин не собирался просто пугать Гулиева. Он понимал, что добром тот квартиру не отдаст, но его это не устраивало. Что представляет собой жилплощадь Ревошина? Покосившийся домишко в захудалой деревушке. А что имеет Людмила? Квартиру в черте города, пусть и однокомнатную, но с хорошей площадью. Кто же смирится с тем, что на этих вожделенных метрах живет бывший муж твоей теперешней жены? И почему он должен наслаждаться удобствами, теплым туалетом, горячим душем и водопроводом, а хозяйка квартиры должна ютиться где-то в пригороде, пользоваться сомнительными удобствами и вообще во всем себя ущемлять? Да даже сдать эту квартиру внаем и то лучше, чем позволять подонку-мужу в ней жить.

Могли быть у Ревошина и такие мысли. И тогда он приехал на улицу Электродная вовсе не для того, чтобы поугагать Рауфа. Он приехал затем, чтобы раз и навсегда избавиться от него. Поняв, что Гулиева дома нет, он не отказался от своего намерения. Он терпеливо ждал, а когда дождался, хладнокровно убил Рауфа. После спокойно покинул двор и поехал домой или в какое-то другое место. Скорее всего, он не посвящал Людмилу в свои планы, и об убийстве Гулиева она на самом деле ничего не знала. Версия не из худших. Квартирный вопрос во все времена стоял остро, а уж сейчас и подавно. Людей и за меньшее убивают, как это ни прискорбно.

С микрофинансовыми организациями дело обстояло несколько иначе. Насколько мог судить Гуров, убийство должников в их среде не практиковалось, хотя бы потому, что с мертвеца уже ничего не возьмешь. Но кто знает? Быть может, кому-то из них надоело ждать, а перспективы получить свои деньги с Гулиева выглядели туманно. Работы он не имел, с женой-

бухгалтером развелся, и даже квартира, в которой проживал, ему не принадлежала. А средства от продажи подержанного «Фольксвагена» и десяти процентов долга не покрыли бы.

Одним словом, взять с Гулиева было нечего, так почему бы не устроить показательную порку? Расправа с одним из должников показала бы остальным серьезность намерений кредитора. Вот почему версию убийства за долги отметить не стоит. Четыре фирмы претендовали на возврат долгов, любая из них могла пойти на крайние меры. Проверить придется все, иначе и начинать не стоит.

Капитан Жаворонков задерживался с отчетом, а Гуров уже не мог усидеть на месте. Он связался с дежурным и поинтересовался, пришел ли отчет патологоанатома. Ответ оказался отрицательным, сотрудники морга молчали. Либо вскрытие еще не провели, либо кто-то забыл отправить отчет в Управление. Гуров выяснил, в каком из моргов делают вскрытие убитого Гулиева, сверился с телефонным справочником и позвонил туда.

– Судебно-медицинский морг номер девять, дежурный Москалев слушает, – зазвучал в трубке вялый мужской голос.

– Полковник Гуров, уголовный розыск, – представился Лев Иванович. – Мне нужен отчет по вскрытию гражданина Гулиева, кто занимается этим делом?

– Вся информация с девяти до трех, – все тем же вялым голосом произнес дежурный.

– По-моему, вы не поняли, с вами говорит полковник Гуров, Главное управление, – повторил Гуров. – Сегодня к вам было доставлено тело Рауфа Гулиева, огнестрел в Перове. Результаты вскрытия нужны мне немедленно.

– Ничем не могу помочь. Вся информация с девяти до трех, – упоминание Главного управления не произвело на дежурного никакого впечатления. – Звоните завтра, заведующий моргом предоставит вам всю необходимую информацию.

– Послушайте, как вас там, Москалев? – Гуров начал закипать. – У меня на руках убийство. Его раскрытие во многом зависит от результатов экспертизы патологоанатома. Если вы не в курсе, как это делается, пригласите к телефону того, кто знает, как общаться с полковником полиции. Отчет нужен мне сегодня. Не завтра, не послезавтра, не через час, а немедленно! Так что оторвите свою задницу от стула и найдите врача, отвечающего за вскрытие Рауфа Гулиева. Иначе не позднее завтрашнего утра ваша жизнь окрасится во все цвета радуги, и не думаю, что вам это доставит удовольствие!

– Так бы сразу и сказали, – протянул Москалев. – Ждите, попробую выяснить о вашем трупе.

Гуров услышал, как телефонная трубка ударилась о столешницу, послышались удаляющиеся шаги, и на какое-то время все стихло. Ждать пришлось долго, Гуров даже подумал, что дежурный Москалев решил таким образом избавиться от назойливого просителя. Пообещал найти врача, а сам ушел в соседнее помещение и сидит себе чай распивает. Но нет, свое обещание Москалев сдержал. В телефонной трубке раздался бодрый мужской голос:

– Здравия желаю, товарищ полковник, – проговорил новый собеседник. – Дежурный сказал, вы звоните по поводу парня с огнестрельным ранением, утренний завоз, верно?

– С кем я говорю, представьтесь, – сухо приказал Гуров.

– Дмитрий Сергеевич Давыдкин, – послушно представился тот. – Вскрытие Рауфа Гулиева поручено мне.

– Вы подготовили отчет?

– Отчета нет, так как вскрытие еще не проводилось, – заявил Давыдкин.

– Да что у вас там вообще творится? – Гуров все-таки взорвался. – Вы что, протокола не знаете? Случаи насильственной смерти обрабатывать в первую очередь.

– Моей вины в задержке нет, – принялся оправдываться Давыдкин. – Эту неделю я работаю один. Без сменщика и напарников, так что при всем желании обработать весь объем клиентов я не в состоянии. Требуется соблюдать очередность, вот что я вам скажу. Рауф Гулиев

назначен на двадцать два часа тридцать минут сегодняшнего дня. И это я еще троих несрочных подвинул.

– Вы издеваетесь? Каких несрочных? Какие подвижки?

– Послушайте, товарищ полковник, я понимаю, что для вас важнее вскрытия Рауфа Гулиева нет ничего, но у меня здесь не конвейер. И потом, там все очевидно, никаких особых новостей вы все равно не получите. Мужика застрелили, в этом и заключается причина смерти. Ждите, утром отчет будет.

И Давыдкин бросил трубку. Некоторое время Гуров ошарашенно смотрел на аппарат, из которого звучали короткие гудки, потом осторожно положил трубку на рычаги. Такого поворота он никак не ожидал. Спас положение появившийся Жаворонков. Капитан заглянул в дверь и заинтересовался:

– Товарищ полковник, есть время выслушать отчет?

– Заходи, Валера, может, хоть ты меня порадуешь, – откладывая намерение немедленно связаться с заведующим моргом и устроить разнос, Гуров махнул капитану рукой, приглашая в кабинет. – Удалось узнать что-то интересное по микрофинансовым организациям?

– И да, и нет, – устраиваясь напротив полковника, сообщил Жаворонков. – Все организации зарегистрированы и действуют на законном основании. Здесь адреса, телефоны и данные на владельцев.

Жаворонков придвинул полковнику папку с подробным отчетом. Гуров начал просматривать записи, а Жаворонков продолжил доклад:

– Я тут погуглил и нашел интересный форум. Знаете, сейчас любая организация имеет своих восторженных поклонников и недоброжелателей. Так вот, на форуме, о котором я говорю, собраны отзывы о заемных организациях. В основном там обычный мусор. Обиженные должники ругают владельцев заемных фирм, «просвещают» тех, кто еще не имел удовольствия запутаться в этой паутине. Малые суммы, бешеные проценты, короткие сроки возврата долга и прочая ерунда. Но есть и кое-что особенное. Чаще всех на этом форуме упоминается некая фирма под названием «Акция-Займ». Пишут о ней не сами должники, а их родственники. Хотите ознакомиться? Я скрины сделал.

– Что в этих отзывах необычного? – уточнил Гуров.

– Лучше бы вам самому посмотреть, – предложил Жаворонков и выложил перед Гуровым стопку листов.

Первый же отзыв заставил Гурова забыть и о наглom дежурном судебно-медицинского морга, и о медлительном патологоанатоме Давыдкине. Отзыв был следующего содержания: «Внимание! Всем, кто хочет жить! Компания «Акция-Заем» – билет на тот свет!» А дальше шло описание ситуации. Сводилась она к тому, что родственник должника открытым текстом обвинял сотрудников фирмы в убийстве последнего. Тот занял в фирме крупную сумму, отдать, разумеется, не смог, долг рос как на дрожжах, а сотрудники фирмы не желали входить в положение клиента.

В итоге через некоторое время должник исчез. Две недели о нем не было слышно, а потом его тело обнаружили в пригородной гостинице. Официальная версия причины смерти – остановка сердца от естественных причин. Но родственник умершего не желал верить в случайную смерть. Он призывал всех, кто так или иначе пострадал от действий фирмы «Акция-Заем», поделиться своей историей на форуме.

И желающие нашлись, да еще в каком количестве! «Мой муж задолжал фирме «Акция-Заем» двенадцать миллионов. Откуда у него такие деньги? И откуда взялся такой долг, если брал он всего триста пятьдесят тысяч? А теперь мой муж мертв. Он уехал в Сергиев Посад в надежде получить работу, а спустя десять дней мне сообщили, что он умер от кровоизлияния в мозг».

«Двоюродный брат взял в долг у «Акция-Заем», а когда не смог расплатиться, они сначала грозились забрать его квартиру за долги, а потом убили его. Причина смерти в заключении патологоанатома обозначена как инфаркт, но я в это не верю! Он никогда ничем не болел, и его сердце было абсолютно здорово. Какой инфаркт? Мясники «Акция-Заем» попросту расправились со своим должником».

И каждая новая история начиналась и заканчивалась одинаково, точно под копирку. Гуров просматривал нескончаемый поток записей, которые заканчивались сообщением о смерти заемщика, и хмурился все сильнее.

– Впечатляет, правда? – прервал его молчание капитан Жаворонков.

– Да, что и говорить, информацию ты нарыл весьма интересную, – задумчиво протянул Гуров. – Какой-то марафон со смертельным итогом.

– Я подсчитал, на форуме с заявлением о причастности фирмы «Акция-Заем» к смерти родственников выступили порядка сорока пяти человек. – Жаворонков выложил перед Гуровым новый лист. – Тут график смертности клиентов фирмы за последний год.

Гуров взглянул на красную линию, обозначающую рост смертности, и присвистнул.

– Ничего себе результат. С десяти процентов в начале года до сорока в конце? Это что же получается: умирает каждый четвертый клиент фирмы? И никого это не настораживает?

– Почему никого? Родственников должников явно насторожило. Не зря же они эти отзвывы в Интернет выложили.

– Что с остальными фирмами?

– По ним такой статистики нет. Если нужно, я могу проверить другие заемные организации на предмет смертности, – предложил Жаворонков. – Это ведь только один форум, наверняка есть и другие.

– Действуй, Валера, а я к владельцу фирмы смерти прокачусь. Уж больно любопытные цифры получаются.

– Все сделаю, – пообещал Жаворонков.

Капитан ушел, а Гуров еще какое-то время сидел и смотрел на график, составленный Жаворонковым. Затем сложил листы в папку и связался с дежурным:

– Найдите водителя Леонида Мейерхольда, пусть готовит машину, – приказал он.

Через двадцать минут служебный седан вез его к станции метро «Кропоткинская», где располагался офис фирмы «Акция-Заем».

Глава 3

Машина едва отъехала от Управления, когда позвонил Юрий Ревошин. Он заявил, что готов встретиться с Гуровым. Полковник взглянул на часы, стрелки приближались к восьми тридцати вечера. Прикинув, сколько времени потребуется на беседу с директором заемной фирмы, Гуров вздохнул и предложил Ревошину явиться в Управление к девяти утра. Ему страшно не хотелось откладывать допрос подозреваемого, но назначать встречу на одиннадцать ночи – это уж слишком. Ревошина же перспектива пропустить рабочий день, отпрашиваться у начальства, объяснять, что за срочное дело у него вдруг появилось, совершенно не вдохновила, и он принялся уговаривать Гурова не откладывать встречу на утро, а побеседовать прямо сейчас. Гуров объяснил, что в данный момент он занят и освободится разве что к полуночи, но Ревошин заявил, что готов ждать.

Рвение Ревошина настораживало. То, что полковник торопится получить представление о том, что собой представляет подозреваемый и стоит ли брать его в разработку, было вполне логично. Но чего ради Ревошин так рвется на встречу с Гуровым? Хочет поскорее снять с себя подозрения? Или выяснить, какие версии рассматривает полиция и стоит ли волноваться о собственной шкуре?

«Ладно, с этим разберемся позже. Сейчас лучше сосредоточиться на сотрудниках фирмы «Акция-Заем» и ее директоре», – оборвал собственные мысли Гуров.

Автомобиль как раз остановился напротив яркой вывески, рекламирующей услуги заемной фирмы. Леонид Мейерхольд поспешно выскочил из машины, обогнул капот и распахнул перед Гуровым дверцу. После утреннего конфликта он всеми силами старался сгладить негативное впечатление: с разговорами не лез, от комментариев воздерживался и выражение лица с оскорбленного сменил на деловито-профессиональное. Гуров еще не понял, по нраву ли ему эти изменения, но терпеть расшаркивания он точно не собирался.

– Больше так не делайте, – приказным тоном заявил он водителю.

Мейерхольд смутился, но взгляд Гурова выдержал.

– Я вас понял, товарищ полковник.

– Пожалуй, мне стоит обозначить свои представления о вашей роли. Дело в том, что я терпеть не могу подхалимство, в какой бы форме оно ни выражалось, – внезапно проговорил Гуров. Он не собирался болтать с Мейерхольдом по душам, ведь потерпеть его присутствие оставалось всего несколько часов, но слова сами собой сорвались с языка, и теперь уже Гуров не мог молчать: – Лизоблюдов и им подобных – тем более. Не выношу тех, кто сует нос в чужие дела. Не боюсь стукачей и кляузников... Ладно, забудьте. Давайте просто проживем этот день, не досаждая друг другу.

Мейерхольд не нашелся что ответить, но Гуров ответа и не ждал. Быстрым шагом он прошел к конторе и скрылся за дверью. Несмотря на поздний час, офис оказался открыт. Помещение состояло из центрального холла и нескольких кабинетов. В холле за шикарным столом сидела миловидная блондинка. Не из тех, что красуются на обложках глянцевого журналов, а из категории так называемых «теплых» блондинок.

– Доброго времени суток, меня зовут Татьяна, – при виде Гурова она встрепенулась. – Как я могу к вам обращаться?

Заученные фразы так и сыпались с уст девушки. В этом не было ничего удивительного, шаблонная система общения охватила всю страну. Теперь в организациях, предоставляющих услуги населению, невозможно было услышать простую человеческую речь. Только шаблоны, фальшивые улыбки и заверения в искренней любви и преданности. А за этими улыбками и стандартными фразами скрывалось всегда одно: желание раскрутить клиента на максималь-

ную сумму, впарить ему низкопробный товар по баснословной цене. В таком мире теперь жил Гуров. В таком режиме жила теперь вся страна.

– Полковник Гуров, Московский уголовный розыск, – Лев Иванович достал удостоверение. – Проводите меня к вашему директору.

– Позвольте ознакомиться с документом, – попросила миловидная девушка, назвавшаяся Татьяной.

Гуров развернул удостоверение так, чтобы она могла сличить фото с оригиналом. К этому процессу Татьяна отнеслась серьезно: с минуту смотрела на снимок, время от времени переводя взгляд на полковника, после чего совершенно невозможно заявила, что выполнить просьбу Гурова не может.

– Господин Марочкин принимает только по предварительной записи, – улыбка во все тридцать два зуба. – Но вас может принять кто-то из менеджеров. Пожалуйста, пройдите в комнату ожидания, я все организую.

– Менеджеры меня не интересуют, – заявил Гуров. – А речи о предварительной записи советую оставить для клиентов. Все, что я хочу от вас знать, – в каком кабинете сидит директор фирмы.

– Понимаю ваше нетерпение, – продолжая играть роль, заученно улыбалась Татьяна. – Прошу вас, пройдите в комнату ожидания, я посмотрю, что можно для вас сделать.

«Да что ж за день такой сегодня, – мысленно простонал Гуров. – Сначала это тупое задание, затем выскочка-водитель, после хам-патологоанатом, а теперь еще это! Ну уж нет, играть по правилам этой конторы я точно не стану».

Гуров склонился над столом, всем телом навис над хрупкой девушкой Татьяной и тихо, но с нажимом произнес:

– Запомните одну простую истину, милочка, если не хотите навлечь на свою голову гнев начальства, лучше не спорьте с представителями власти, – после этой фразы Гуров развернулся и скрылся в коридоре.

Коридор, в который выходило с десятков дверей, был узким и длинным. Освещение подкачало: две тусклые лампочки в самом конце коридора и дверной проем давали возможность рассмотреть таблички, но и только. Одна из них, с надписью «Директор», отыскалась в самом конце коридора. Гуров толкнул дверь, та легко поддалась, и полковнику открылась картина, красноречиво показывающая суть работы директора заемной фирмы.

Господин Марочкин сидел за широким столом, вернее, не сидел, а растекался по спинке солидного офисного кресла. Глаза его были закрыты, ноги закинута на стол, руки скрещены на груди. Комнату оглашало тихое сопение: господин директор попросту спал.

– Вижу, работы у вас невпроворот, – намеренно громко произнес Гуров, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Марочкин вздрогнул, открыл глаза и уставился на Гурова. Ноги его автоматически слетели со стола и с громким стуком ударились о паркетный пол. Какое-то время он соображал, кем может быть вошедший. Гуров буквально видел, как в мозгу Марочкина идет сложный процесс обработки информации. Клиент, разгневанный родственник или проверяющий? От ответа на этот вопрос зависело, какой стиль поведения выбрать. Марочкин остановился на варианте с проверяющим. Лицо его приобрело выражение учливой доброжелательности, типа, смотрите, я полностью открыт и прозрачен, мне нечего скрывать.

– Ваша правда, день был тяжелым, – тон Марочкина соответствовал выражению лица. – Простите за это... за неподобающий вид, вы застали меня врасплох. Обычно офис-менеджер предупреждает о посетителях, но вы наверняка и сами знаете, как сложно найти достойных сотрудников.

– Тем более когда работа так утомительна, – поддел Гуров.

– Еще раз приношу свои извинения, – смутить Марочкина оказалось не так-то просто. – Могу я узнать, что привело вас в нашу контору?

– Ваша деятельность, – ответ прозвучал неопределенно.

– И какую из проверяющих инстанций вы представляете? Вы ведь действуете не как частное лицо, я правильно понимаю?

– Не как частное, тут вы правы. Московский уголовный розыск – для вас достаточно серьезная инстанция?

– Уголовный розыск? – Марочкин изменился в лице. – Не понимаю, каким образом наша деятельность могла заинтересовать уголовный розыск? ОБЭП, налоговая, гражданское право – это еще понятно, но уголовный розыск? Уверяю вас, мы действуем на законных основаниях. Если хотите ознакомиться с учредительными документами, я с радостью вам их предоставлю и даже не стану спрашивать, на каком основании вы ими интересуетесь.

– Я ими не интересуюсь, – ответил Гуров. – Скорее, меня интересуют ваши клиенты.

– Клиенты? Но позвольте, это же конфиденциальная информация! Скажите хотя бы, в каком контексте они вас заинтересовали? Кто-то из наших заемщиков совершил уголовное преступление? – Марочкин нервничал все сильнее. – Поверьте, я не имею намерения скрывать от вас информацию. Просто хочу знать чуть больше.

– Рауф Гулиев является вашим заемщиком? – перешел к конкретике Гуров.

– Гулиев? Нужно просмотреть базу данных. Клиентов очень много, всех не упомнишь, – заявил Марочкин.

– Так просмотрите, – приказал Гуров. По лицу Марочкина он видел, что имя Гулиева тому хорошо известно, и сейчас он просто пытается выиграть время.

Марочкин схватился за мышь, монитор его компьютера засветился ровным светом. Пару минут он щелкал кнопкой, наводя курсор на определенные графы.

– Гулиев, Гулиев, – бормотал он себе под нос, делая вид, что пытается удержать в памяти фамилию. – Как, вы сказали, его имя?

– Рауф, – терпеливо повторил Гуров.

– Не могу найти, – Марочкин продолжал щелкать мышью. – Быть может, у вас имеется его адрес? По адресу поиск идет быстрее.

– Улица Электродная, дом пятнадцать, квартира восемьдесят шесть, – по памяти продиктовал Гуров.

– Вот, готово, – минуту спустя заявил Марочкин. – Рауф Гулиев, в базе с шестнадцатого января. Сумму задолженности сообщить не могу, сами понимаете, коммерческая тайна.

– Сумма меня не интересует, – сообщил Гуров. – Думаю, и вас она тоже больше не волнует. Рауф Гулиев убит сегодня ночью.

– Убит? Убит? – растягивая слова, воскликнул Марочкин, но удивление в голосе звучало фальшиво. – Как? Я хочу сказать, каким образом? Вернее, за что?

– Полагаю, за то, что с шестнадцатого января не оплачивал свой долг, – спокойно произнес Гуров.

– О боже, вы думаете, что его убил я? Бред! Вы ведь понимаете, что это полный абсурд? – Марочкин выпустил из рук мышь и до боли честными глазами уставился на Гурова. – Если бы я убивал всех своих должников, мой бизнес давным-давно бы развалился. Зачем мне это?

– Этот вопрос я хотел задать вам, – проговорил Гуров. – Но раз уж вы сами об этом заговорили, то повторяться не стану. Итак, давайте обсудим, чем выгодна вам смерть Рауфа Гулиева?

– Да перестаньте, вы ведь несерьезно, – Марочкин заставил себя улыбнуться. – Вы меня разыгрываете.

– Считаете, полковнику уголовного розыска больше нечем заняться?

– Простите, не знаю вашего имени-отчества и не думаю, что дел у вас мало, но официально заявляю – к смерти Рауфа Гулиева я не имею ровным счетом никакого отношения.

– Имя мое Лев Иванович, фамилия Гуров, – наблюдая за реакцией Марочкина, представился Гуров. – И ваши заверения пока всего лишь пустой звук.

– Скажите, вы имеете представление о том, как построен бизнес микрофинансовых организаций? – сменил тактику Марочкин.

– Уверен, что вы меня просветите, – Гуров едва заметно улыбнулся, попытки Марочкина казаться удивленным его веселили. Притворяться Марочкин совершенно не умел. Гуров даже подумал, как он умудрился столько времени продержаться в бизнесе, где все построено на лжи.

– Мы ссужаем деньгами организации и частных заемщиков. Под определенный процент. Чем дольше заемщик пользуется нашими деньгами, тем выгоднее фирме. Объясню на примере Гулиева: он занял определенную сумму, каждый месяц он обязался выплачивать проценты, одновременно с этим гася сумму задолженности малыми частями. Проценты мы с него получали, а тот факт, что сумма займа оставалась непогашенной, – случай вполне обыденный. За шесть месяцев мы и так вернули всю сумму, которую ссудили Гулиеву. То есть как организация – мы не внакладе, он не лишил нас средств, напротив, он являлся стабильным источником дохода. Ежемесячным источником дохода. Так что убивать его нам совершенно невыгодно, это вы понимаете?

– Вы говорите неправду, – спокойно заявил Гуров. – По крайней мере, за пять месяцев из шести он не погасил ни одного процента, начисляемого на сумму задолженности, не говоря уж о самом долге.

– У вас неверная информация, – начал возражать Марочкин, но Гуров жестом заставил его замолчать.

– У следствия имеется документ, подтверждающий этот факт, – резко произнес он. – Гулиев – ваш должник, из тех, кто никогда не расплатится. И это тоже факт. Так что у вас были причины желать ему смерти.

– Но ведь мертвые не платят, как ни цинично это звучит, – Марочкин предпринял очередную попытку оправдаться. – Ладно, поговорим откровенно. Мы знаем, что у Гулиева нет сбережений, в собственности нет объектов недвижимости. Все его наследство – подержанный автомобиль, рыночная цена которого едва ли покроет десятую часть долга. К тому же, по нашим сведениям, мы не единственная организация, заемщиком которой он является.

– Откуда вам это известно? – спросил Гуров.

– У нас хорошо поставлена система сбора информации, – ответил Марочкин. – Мы знаем, что в случае смерти Гулиева по меньшей мере три микрофинансовые организации имеют право претендовать на его собственность. Из этого следует, что в случае смерти клиента нам достанется четвертая часть от продажи копеечного автомобиля. Вы по-прежнему считаете, что это достаточно веский мотив для убийства?

– Будем считать, что относительно Рауфа Гулиева вы меня убедили, – внезапно произнес Гуров.

– Убедил? Правда? – Марочкин облегченно вздохнул. – Ну, надо же! Я-то думал, что вы решили меня арестовать.

– Но для того, чтобы снять подозрения с вашей организации, мы должны провести доскональную проверку по всем вашим клиентам, – как ни в чем не бывало продолжил Гуров. – Предоставьте мне список ваших заемщиков, и будем считать, что разговор окончен.

– Но... Позвольте... ведь это незаконно! Вы предлагаете мне нарушить закон? На это нужны санкции, разрешение прокурора, или что там делают в таких случаях?

– Есть и другой вариант: я уйду, а через час возвращаюсь с разрешением на изъятие всей документации фирмы. Заодно придется захватить и ордер на задержание. Ваше задержание. Трое суток проведете в следственном изоляторе, но зато не нарушите закон.

– Нет, это совершенно неприемлемый вариант, – Марочкин застонал. – Что же мне делать? Я не могу просто взять и выдать вам базу данных клиентов. Разве что вы сможете оформить надлежащие бумаги, чтобы в случае необходимости я смог прикрыть свою... шею. Необязательно предъявлять ее сейчас. Просто скажите, что такой документ будет оформлен.

– Договорились, – сдерживая улыбку, произнес Гуров.

Марочкин снова взялся за мышь и защелкал по клавиатуре. Через минуту заработал принтер. Собрав солидную стопку бумаг, Марочкин передал их Гурову.

– На этом все? – с надеждой в голосе спросил он.

– Пока да, – Гуров забрал листы из рук Марочкина. – Всего хорошего. И не уезжайте из города, вы можете понадобиться следствию.

Гуров вышел из кабинета, Марочкин проводил его печальным взглядом. Оказавшись на улице, Гуров дошел до машины, уселся на переднее сиденье и устремил задумчивый взгляд в пустоту. Мейерхольд искоса поглядывал на полковника, но рот держал на замке. Так Гуров просидел минут пять, не меньше. Потом, приняв решение, повернулся к Мейерхольду и задал вопрос:

– Леонид, в вашем телефоне хорошая камера?

Вопрос прозвучал неожиданно и застал Мейерхольда врасплох.

– Камера? Имеете в виду фотокамеру? – растерянно переспросил он.

– Да-да, фотокамеру. Мощная ли у вас фотокамера? – нетерпеливо повторил Гуров.

– Шестнадцать мегапикселей, одна фронтальная и две основные, – выдал Мейерхольд.

– Значит, мощная, – сделал вывод Гуров. – По крайней мере, звучит солидно. Еще один вопрос: вы все еще хотите принять участие в расследовании?

– Вы берете меня в команду? Серьезно? – слова Гурова настолько поразили Мейерхольда, что он начал заикаться. – Я буду вам помогать? На самом деле? По-настоящему?

– Леонид, не заставляйте меня сомневаться в своем решении, – с угрозой в голосе проговорил Гуров.

– Нет-нет, не нужно сомневаться. Я готов, честно, – затараторил Мейерхольд. Лицо его покраснелось, то ли от волнения, то ли от удовольствия, и выглядел он при этом как школьник, которому объявили, что его наконец-то берут в футбольную команду.

– Отлично, этого ответа я и ждал, – голос Гурова смягчился. – Итак, запомните: сейчас вы достанете камеру, наведете ее на дверь конторы «Акция-Заем» и будете снимать всех, кто входит и выходит. Если же выйдет директор, вы будете следовать за ним, куда бы он ни пошел. Забейте номер моего телефона на быстрый набор и докладывайте обо всем, что происходит. Черт, вам же нужно будет держать наготове камеру!

– У меня есть гарнитура, – поспешно сообщил Мейерхольд. – Я могу снимать и звонить одновременно.

– Отлично, похоже, вы были правы, когда заявили, что можете оказаться весьма полезным, – похвалил Гуров. – Значит, так и поступим. Сидите здесь до тех пор, пока не выйдет директор или пока не получите других распоряжений.

– Как я узнаю его? – задал вопрос Мейерхольд. – Ведь я его ни разу не видел.

– Запомните описание, – приказал Гуров. – Ему под сорок, рост выше среднего, волосы русые, стрижка короткая, челка зачесана назад. Одет в светлую льняную рубашку с коротким рукавом, темные брюки, в кармане рубашки синий декоративный платок. Когда разговаривает, склоняет голову на левый бок. Это все.

– А если он меня заметит? Я имею в виду, когда придется следить за ним, – Мейерхольд волновался как мальчишка.

– Постарайтесь, чтобы этого не произошло. Если же он обратит на вас внимание, притворитесь озабоченным родственником. У Марочкина куча клиентов, а родственников у них еще больше, – посоветовал Гуров. – Как думаете, справитесь?

– В детстве я играл в школьном театре, – выдал Мейерхольд, и Гуров не сдержал улыбки.
– Тогда я за вас спокоен, – весело проговорил он. – Ну, все, я пошел. Удачи, Леонид. И спасибо за помощь.

– Рад стараться, товарищ полковник, – по-военному четко ответил Мейерхольд.

Гуров вышел из машины, поймал попутку и поехал в Управление. По дороге он набрал номер Юрия Ревовина, чтобы сообщить, что ждет его через полчаса на Петровке.

Мейерхольд остался в машине один. Его оживание сменилось сосредоточенностью. Приготовив камеру, он не отрывал взгляд от дверей заемной конторы. Минут двадцать все было спокойно, затем сотрудники конторы начали расходиться по домам, и Мейерхольд зашел в камеру. А спустя еще полчаса в дверях показался сам директор фирмы. Мейерхольд узнал его сразу. Сделал пару снимков и бросил телефон на соседнее сиденье, чтобы освободить руки.

Марочкин остановился на крыльце. Он разговаривал по телефону, голова его при этом склонилась на левый бок. Мейерхольд держал руку на ключе зажигания, уверенный, что, завершив разговор, директор заемной фирмы сядет в машину. Но этого не произошло. Марочкин убрал телефон в карман брюк и медленным шагом направился к перекрестку. Мейерхольд оказался в замешательстве: следовать за директором пешком или же поехать на машине? Если ехать, то Марочкин рано или поздно непременно заметит странный эскорт, и тогда миссия будет провалена, а Мейерхольду ужасно не хотелось оказаться человеком, провалившим первое же порученное задание. Идти за объектом пешком – тоже была рискованная затея. Что, если, дойдя до перекрестка, Марочкин поймает машину, а Мейерхольд к тому времени окажется без колес?

– Что делать? Какой вариант выбрать? – вслух размышлял Мейерхольд. – Надо что-то решать, иначе ты потеряешь объект. Спокойно, подумай, как бы на твоём месте поступил полковник. Скорее всего, он бы рискнул и поехал на машине. Или же пошел пешком?..

От тягостных раздумий его спас сам Марочкин. Дойдя до перекрестка, он открыл дверь ближайшего кафе и скрылся внутри. Мейерхольд вздохнул с облегчением. Теперь не нужно было решать, какой из вариантов выбрать. Все, что ему оставалось сделать, – это перегнать машину поближе к кафе. Так он и поступил. Выбрав место, с которого благодаря стеклянным витринам кафе просматривалось навсось, он припарковал автомобиль и вышел. Он подумал, что будет неплохо осмотреться на месте. Вдруг в кафе имеется второй выход и Марочкин уйдет незамеченным?

Войдя в кафе, Мейерхольд осмотрелся. Народу внутри было много, практически все столики оказались заняты. Он заметил Марочкина, который занял стол у стены. Перед ним уже стояла чашка дымящегося кофе, из которой он время от времени делал маленькие глотки. Парень за стойкой вопросительно посмотрел на Мейерхольда. Чтобы не вызывать подозрений, водитель заказал что-то из выпечки навынос и поинтересовался, где туалет. Получив ответ, прошел в ярко освещенный коридор, открыл дверь с табличкой, изображающей человечка в брюках, убедился, что туалет пуст, и вернулся к барной стойке.

Марочкин сидел на прежнем месте, но теперь перед ним стояла тарелка с мясным блюдом. Увидев все, что хотел, Мейерхольд вернулся в машину. С водительского сиденья ему был виден затылок Марочкина. Мысленно похвалив себя за удачный выбор наблюдательного поста, Мейерхольд распаковал кекс, купленный в кафе, и с наслаждением впился в него зубами. С выпечкой он покончил задолго до того, как у столика Марочкина появился новый объект. Мейерхольд схватился за камеру.

В объектив он наблюдал за мужчинами. При появлении мужчины Марочкин не встал и руки ему не протянул, но Мейерхольд не сомневался, что со вновь прибывшим Марочкин знаком не первый день. Тот спокойно занял стул напротив, однако заказ делать не стал. Марочкин склонил голову набок, из чего Мейерхольд сделал вывод, что тот завел разговор. Пришедший молча слушал, время от времени кидая короткие реплики.

Затем пришла его очередь говорить. По губам Мейерхольд не мог понять слов, и тогда он принял решение, что следует вновь войти в кафе и попытаться подслушать разговор. Идея ему так понравилась, что он тут же вышел из машины, перебежал дорогу и вошел в кафе.

Столик возле Марочкина и его собеседника как раз освободился. Мейерхольд опередил немолодую парочку и плюхнулся на освободившийся стул с таким видом, точно дожидался этого места целый год. Немолодая парочка, которую он опередил, осуждающе покачала головой и направилась к другому столику, а к Мейерхольду поспешил официант.

– Доброго вечера вам, – приветствовал он Мейерхольда. – Готовы сделать заказ?

– Я только что сел, – недружелюбно бросил Мейерхольд. – Пойдите, обслужите кого-нибудь другого. Когда буду готов, я сам вас позову.

– В нашем заведении не принято занимать столик без заказа, – предупредил официант.

– Хорошо, принесите мне морковный салат, – отмахнулся Мейерхольд. – И больше меня не беспокойте, я жду звонка.

Мейерхольд демонстративно выложил на стол телефон. Официант скривился, но оставил Мейерхольда в покое. За соседним столиком продолжался разговор, но как водитель ни напрягал слух, слов разобрать не мог.

Тогда он решил действовать более решительно. Взяв в руки папку с перечнем блюд, он как бы невзначай уронил ее на пол. Та отлетела и упала в метре от стола Марочкина. Мейерхольд свесился со стула, пытаясь достать папку. При этом голова его оказалась на том же расстоянии. Долго висеть, не привлекая внимания, Мейерхольд не мог, но все же кое-что услышать успел.

– Вам помочь? – услышал он голос официанта.

– Я же сказал, что жду звонка и не желаю, чтобы меня беспокоили, – сердито проговорил Мейерхольд, вынужденный принять вертикальную позу.

– Ваш салат, – официант небрежно выставил тарелку перед Мейерхольдом.

– Надеюсь, вы в него не плюнули? – на полном серьезе спросил Мейерхольд.

– С вас двадцать четыре рубля, – сохраняя нейтральное выражение лица, объявил официант. – Желаете расплатиться?

Мейерхольд бросил на стол полтинник.

– Не забудьте принести сдачу, – предупредил он. – Дарить вам двадцатку я не собираюсь.

Официант ушел, а Мейерхольд предпринял новую попытку приблизиться к столу объекта. Сначала он сдвинул стул так, что расстояние сократилось на добрых полметра, затем выгнул спину, будто потягиваясь. Но эти манипуляции пользы не принесли. Тогда он снова проделал тот же трюк, что и раньше, но на этот раз уронил вилку. Случайно она упала дальше, чем рассчитывал Мейерхольд. Вилка оказалась под стулом Марочкина. Мейерхольд раздумывал, стоит ли ее поднимать. Если подойти слишком близко, Марочкин обратит на него внимание, и кто знает, насколько он наблюдательный и насколько хороша его память. Вдруг позже Мейерхольду придется идти за ним пешком? Если Марочкин его запомнит, то сразу поймет, что его преследуют.

И все же он решил рискнуть. Перегнувшись влево, он потянулся за вилкой, нащупал ее и на короткий миг задержался в таком положении. В этот момент говорил собеседник Марочкина, и Мейерхольд забыл об осторожности, пытаясь получить максимум информации.

– Вы что-то потеряли? – услышал он над ухом голос Марочкина.

– Вилка отлетела, простите, – не поднимая головы, пробормотал Мейерхольд. – Все, она у меня. Еще раз простите.

– Нужно было просто позвать официанта, – посоветовал Марочкин. – Вы ведь все равно не станете есть грязной вилкой.

– Об этом я как-то не подумал, – заявил Мейерхольд и вернулся в исходное положение. На Марочкина он так и не взглянул.

Тот пожал плечами и вернулся к прерванному разговору. Мейерхольд поковырял морковный салат и через пять минут покинул кафе. Марочкин и его приятель пробыли в кафе чуть дольше. Когда они вышли, собеседник Марочкина запрыгнул в автобус, а сам директор вернулся к конторе, сел в машину и поехал по направлению к центру. Мейерхольд последовал за ним. Не доехав метров триста до метро «Свиблово», Марочкин свернул с центральной дороги и въехал во двор жилого дома. Там он припарковал автомобиль, включил сигнализацию и вошел в один из подъездов.

Мейерхольд выждал несколько минут и тоже вышел. В подъезд он заходить не стал, дошел до угла, прочитал название улицы и номер дома и позвонил полковнику Гурову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.